

«Тонкие материи требуют другой пристальности»

На вопросы ВС отвечает поэт Вера ЗУБАРЕВА

– В этой рубрике мы беседуем или с поэтами, пишущими на христианские темы, или с критиками и литературоведами, которые пишут о таких поэтах. Вы – человек «двоякодышащий», и поэт, и исследователь литературы... Кстати, кто хронологически возник раньше – поэт Вера Зубарева, дебютировавшая еще в «перестроечной» «Смене», или она же – литературовед?

– Раньше дала о себе знать Вера, срифмовавшая в три года: «Убежал лисенок в лес и на дерево залез». Отец оставил запись об этом. Наверное, с того момента ко мне стали относиться серьезно в семье. Под семьей я имею в виду еще и соседей по коммуналке, которых я называла своими приемными бабушкой и дедушкой. Они терпеливо записывали за мной мои собственные сказки, но мне казалось, что они это делают чересчур медленно. В пять лет я, наконец, выучилась писать печатными буквами и стала независимым писателем... И по сей день продолжаю им быть.

– Тогда и начнем с вас как поэта – тем более что в этом году вышла книга стихов «Об ангелах и людях. Трактаты и поэмы». Ангелы – вообще довольно частые гости в современной лирике, необязательно даже религиозной. Но ангелы из вашего поэтического трактата – это нечто другое...

*Ангелы не знают никаких забав
И полностью лишены фантазии,
В чем сразу же убеждаешься, попав
В их отлаженное однообразие.
Это портные, отрезающие грехи
Лежащим в примерочной их солярия.
С их легкой руки
Попадаешь в рай
Собственного левого полушария.*

В предисловии вы говорите, что это написано как бы «от лица» «сознания современного человека», и «как интерпретировать это сознание – зависит от читателя». И все же: вы наверняка сталкивались с разными интерпретациями – какая из них была вам ближе?

– «Трактаты» – произведение художественное. В отличие от настоящих трактатов, написанных реальными учеными или философами, за ними стоит лицо вымышленное, литературный герой, которому присуща своя интонация, образ мысли и другие особенности. Это образ псевдоученого, пишущего псевдотрактаты. Важно понять, кто говорит, а не только о чем говорится. Даже больше – без понимания того, кто стоит за всеми этими псевдонаучными формулировками, исказится и смысл самих формулировок.

Позиция автора в традиционных трактатах предельно открыта, поскольку его задача – донести смысл своей теории до аудитории. Позиция автора моих трактатов – скрыта. Она выводится опосредованно путем анализа образа этого псевдоученого. Он противоречив, мечется из одной крайности в другую, из одной прогрессивной теории в следующую, из марксизма к феминизму, дарвинизму и атеизму. И заканчивает совершенно неожиданно, а может быть, и сам того не замечая, хвалой Богу: *Душа – это остроумнейшая победа над Запретом / И лучшее человеческое изобретение до сегодня, / Выполненное с должным этикетом / И почтеньем ко всему, что есть дело Господне.*

Здесь одно противоречит другому, конец никак не выводится из начального посыла о том, что это человек создал себе душу, а не Господь. И таких неувязок уйма.

Юмор этой ситуации был прекрасно понят при постановке фильма-балета по «Трактату об ангелах», который транслировался по американскому телевидению. Роль псевдоученого, читающего текст, играл филаделфийский актер Майкл Дюра, и это был просто всплеск остроумия и веселой фантазии. Помню, на презентации «Трактата об ангелах» в Цюрихе, где книга была издана в двуязычном варианте, в прекрасном переводе известной австрийской писательницы Кирстин Брейтенфельнер, меня спросили, является ли «Трактат» пародией на ангелов. На что я ответила, что если это и пародия, то на современное сознание, пытающееся с научными мерками подойти к тому, что этими мерами измерить невозможно.

– Часть «Трактатов» составляют три поэтических трактата – «Трактат об ангелах», «Трактат об обезьяне» и «Трактат об исходе». Судя по всему, писалось все это не один год...

– Никогда бы не подумала, что после «Трактата об ангелах» будут написаны еще два. Но сие от меня не зависело. Да и первый трактат словно вышел из-под пера против моей воли. В то время я училась в докторантуре Пенсильванского

университета и увлеклась теорией предрасположенностей, да так, что защитила докторскую по чеховской комедии на ее основе.

– А что это за теория?..

– Ее создатель – ныне покойный московский ученый экономист, профессор Пенсильванского университета Арон Каценелинбойген. Впоследствии я преподавала с ним эту теорию студентам и аспирантам... Так вот, когда Арон поведал мне, как он приложил эту теорию к концепции развивающегося Бога, меня это чрезвычайно заинтересовало. Ожидалось, что я каким-то образом сумею популяризировать его взгляды. И я долгое время раздумывала, как это сделать. Но вопреки моим благим намерениям, во мне начал зарождаться совершенно незнакомый голос молодого псевдоученого, который говорил какие-то абсурдные, но очень смешные вещи. Я пыталась его подавить, потом угомонить, потом просто задобрить, записывая за ним его перлы... Вот что происходит, когда идешь на поводу у своих литературных героев! Арон остался недоволен. Зато Эрнст Неизвестный был в восторге. Он попросил позвонить ему, и вслед за этим последовало приглашение в его студию, где он дал мне свою графику для книги. Часть ее включена в новую книгу поэм «Об ангелах и людях». А потом, годы спустя, тот же голос, только уже возмужавший, стал требовать, чтобы ему дали докторскую в прогрессивных науках, и я заподозрила в этом нажим американской академической братии, убоялась и предоставила ему свободу слова. Но – как в «Сказке о рыбаке и рыбке» – пуще прежнего он вздурился и потребовал повысить его в звании. Тогда я и отправила его «на соискание попутного ветра», написав третий, последний трактат – «Трактат об исходе».

– Ирина Роднянская написала о ваших «трактатах»: «...Углубленное философское странствие, проделанное поэтом без привлечения собственно философского арсенала, по наитию Евтерпы и Каллиопы — лирической и эпической муз». Да, каких-то прямых ссылок на философские источники в ваших стихах нет. Но обращались ли вы во время написания к какой-либо философской или религиозно-философской литературе?

– Нет, нет и нет. Этот вопрос, кстати, задал мне и Эрнст. Я его (вопроса) очень боялась и чувствовала себя студенткой, не изучившей предмет. Но сказала как есть – не читала. И он вздохнул с облегчением... Мои ангелы даже косвенно не имеют отношения к философии и религии. Они – продукт нелепых тенденций продвинутого общества. В трактатах (в подтексте) разговор идет о нарастающей идеологии, подменяющей религию. К философии как таковой это отношения не имеет. То, о чем писала Ирина Роднянская, относилось к понятийному метауровню, нелинейному, образному движению мысли, а не к обыгрыванию источников.

– В эссе «В отсутствие Моисея» вы пишете: «...Свобода, к которой стремится обыватель, и свобода человека религиозного – разная». А свобода поэта – к какой свободе она ближе? И в чем она, на ваш взгляд?

– Вдруг вспомнился «Аладдин и волшебная лампа». Там джинн именовал себя «раб лампы». По аналогии, поэт, в отличие от стихотворца, раб Слова. Потому что поэт пребывает в энергетическом поле Слова, и близость Творца куда ощутимее. А значит, и ответственность выше, и спроса больше. Свобода поэта по сути своей смыкается со свободой верующего. Поэт не поклоняется идолам в виде идеологии (как схожи эти слова!) разного сорта. Он не жонглирует словами, а если это происходит – тогда все как в «Описании обеда» у Ахмадулиной:

Он знал: коль ложь не бестолкова,
она не осквернит уста,
я знала: за лукавство слова
наказывает немота.

Правда, она писала о литературоведе и поэте, но ее литературовед подходил к поэзии как к стихосложению, а Ахмадулина – как к Словослужению.

– В вашем стихотворении «Отпевание», посвященном смерти Евгения Евтушенко, есть строка: «Тот, Кто пришел душ разобщенность нарушить...» Такая неожиданная отсылка к известной строчке поэта: «О, кто-нибудь, / приди, / нарушь / чужих людей соединенность / и разобщенность / близких душ!». Неожиданная и точная. Но, вообще, не возникает, когда вы пишете в стихах о Боге, ощущение какой-то немоты, чувство недостаточности слова?.. Или же поэзии все доступно?

– О Боге я писать не смею. Присутствие незримо, и все, что возможно передать, – это собственное ощущение Присутствия. Не в словах, а в том, что за ними кроется, очень опосредованно, воздушно и ассоциативно.

– Сергей Чупринин когда-то написал: «К разряду духовной поэзии сейчас могут отнести любые стихи, либо содержащие в себе религиозную эмблематику, либо выстроенные на библейских и евангельских сюжетах и мотивах, либо даже попросту демонстрирующие почтительное (обычно говорят – «молитвенное») отношение автора к православной вере и ее символам». А что такое духовная поэзия для вас? И кто – например, из современных поэтов?

– Знаете, когда-то я была изумлена, поняв, что западная литература вычленила духовность как некий самостоятельный жанрообразующий признак, базирующийся на тех внешних атрибутах, которые перечислил Чупринин. Ведь посмотрите, что сделали: искусственным образом отделили духовную наполненность, дыхание произведения от его тела. Сослали в резервацию произведения, в которых живо Присутствие, и легализовали только те, в которых религиозное можно увидеть невооруженным глазом. Легализовали, в смысле – показали, к какому рынку сбыта относится литература, апеллирующая к библейским ценностям. Если вдуматься, то проделана была целая операция по отлучению читателя от духовных раздумий над текстами не религиозного со-

держания. А как по этой схеме классифицировать Толстого? Или Достоевского? Или Пастернака? Ахмадулину?

– А почему, на ваш взгляд, это произошло?

– Западный мир не хочет такой литературы, в которой светское переплеталось бы с духовным, потому что у глобалистов свой план по перекраиванию сознания. В некоторых американских колледжах «Преступление и наказание» читают под эгидой детективного жанра. Ловко! Но все дело в том, что если бы Достоевский жил сегодня на Западе или в Штатах, то он не сумел бы найти издателя для «Преступления и наказания», потому что в строгие рамки детектива роман бы не уложился. И в рамки духовной литературы не уложился бы. И в рамки никакой жанровой литературы не уложился. Современный писатель в Штатах должен четко знать, в какую нишу его произведение попадает. Иначе оно никогда не будет опубликовано. В результате мы наблюдаем бум книжного рынка и упадок большой литературы. К сожалению, эти тенденции прослеживаются и в России, хоть пока что не в такой степени.

Лично для меня любая большая поэзия или проза духовна по определению. Русская литература на том и стоит. Духовность может быть выражена по-разному, в том числе и невербально. Олеся Николаева, Марина Кудимова, Ефим Бершин... Каждый из них по-своему формирует духовное измерение. Художественный образ несет в себе ауру, по которой распознается духовное начало. Все зависит от тонкости прочтения. Тонкие материи требуют другой пристальности.

– А теперь вопрос, скорее, к вам как литературоведу. В статье «Тайнопись», вышедшей семь лет назад в «Новом мире», вы исследуете христианские мотивы в поэзии Беллы Ахмадулиной начала 80-х годов. А кроме Ахмадулиной – есть ли поэты (или прозаики) советской эпохи, у кого вы находите такую же библейскую тайнопись?

– Не берусь ответить на этот вопрос, так как никого не изучала так досконально, как Ахмадулину. Это очень кропотливая работа, возможная только при условии, когда с глаз спадает пелена. Пока мне кажется, что на таком уровне, как она, ни один из ее современников не мыслил.

– И, наконец, последний вопрос: как живет сегодня русскому поэту в США?

– Помните известную песню про Костю-моряка? «Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика...». Так и я вам не скажу за всех поэтов, США довольно велики. Скажу только «за себя». Один из плюсов Америки в том, что в ней можно оставаться собой. Вот так я и живу – оставаясь собой.

Из поэмы «Свеча»

Это здание свечки-огарка,
Это пепла густого набат,
И подруга моя санитарка,
И домашний ее медсанбат.
Лик впечатан в пол разможенный,
В крест окна и в железобетон.
Это город мой обожженный,
Где на всех не хватило бинтов.
Будет страшно, замедленно сниться
Крик в церковные купола,
Но надежды нет дозвониться –
Отказали колокола.
То молчанье мрачней утраты.
Не звонили они по ком,
Знает двор, безымянные парты
И всё небо над вечным огнем...

* * *

...И легкий жук струится по песку,
Как полый шарик с жесткой оболочкой.
Ряд лежаков – больничною цепочкой
И острый, нагоняющий тоску,
Целебный запах водорослей. Снова
Пришла сюда. И берег не в сезон –
Как мир доисторических времен,
Где никого не посещало Слово,
Где тишиной усилен каждый звук,
И поле зренья занимает жук,
Чье шумное сыпучее старанье,
Должно быть, слышится
На много миль вокруг.

Из поэмы «Разговор по душам»

А бывает ли Тебе иногда грустно,
когда идешь по тучам, смотришь вниз,
а оттуда никто на Тебя не смотрит,
каждый занят своим делом
и если задерет ненадолго голову,
то чтобы проводить самолет или птицу
или проверить, не собирается ли дождь?
Ворона чистит перья на куполе,
книгу Твою листает ветер.
Как Ты со всем этим там справляешься?

«Тонкие материи требуют другой пристальности»

* * *

Пустое время – безразличный ангел,
Прозрачный, узкий, издали похожий
На вазу с очень белыми цветами
Без запаха, как будто бы бумага.
Прищуришься – и можешь наблюдать,
Как мир стоит, немного удлинённый,
На ангела фламинговой ноге.
Похожая на стеклодува туча
Дождь выдувает разной толщины.
Он клейко обволакивает шляпы,
Зонты, плащи. Друг друга опасаясь,
Прохожие идут на расстояньи,
Чтоб от прикосновенья не разбиться.
Мне хорошо в такое время спится.

* * *

Дождь закончился. Настежь окно.
В занавеске запутались капли.
Ослепительно взмыло пятно
К потолку, и подтеки иссякли.
Хлопнул дверью веселый сквозняк
И качнул отражения в раме.
Опрокинулась ваза в слезах,
И огнем полыхнули все грани.
Две промокших пчелы на лету
Сговорились и тихо присели
Просто так — созерцать красоту,
Вне трудов и не ведая цели.

Из поэмы «Реквием по снегу»

... И снится будущее. И все идут
С закрытыми глазами, и море в блестках,
И плавно вздымается его батут
Под ангелами парусников и детьми в матросках.
И ты летишь, и весь мир – вода,
И ничто не шелохнется над сияющей гладью,
И горны ангелов отлиты изо льда,
И музыка сфер неподвластна восприятию,
И матери в белом... А потом, а потом
В казарме вселенной трубят подъем.
